

Евгений Пчелов

Рец. на: О.А. Валькова. Штурмья цитадель науки: женщины-учёные Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 792 с.

Evgeniy Pchelov

(Russian State University for Humanities, Moscow; S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: O.A. Valkova. *Shturmuya tsitadel' nauki: zhenshchiny-uchonyye Rossiyskoy imperii*. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016620-3

Женщины-учёные в России — одна из важнейших тем гендерной истории. Общеизвестен образ С.В. Ковалевской, которая в советское время была символом борьбы женщин за место в науке. Определённой известностью в профессиональных кругах пользуются имена Ю.В. Лермонтовой, О.А. Федченко, Л.П. Цераской, М.В. Павловой, М.П. Садовниковой-Кольцовой, А.А. Глаголевой-Аркадьевой, Н.Н. Ладыгиной-Котс. В постсоветское время особое внимание привлекала фигура кн. Е.Р. Дашковой — организатора научных исследований, ставшей популярным образом русского «дамского века». Однако эти единичные примеры не составляли цельной картины присутствия женщин-естествоиспытателей в научном пространстве дореволюционной России.

Восполнить этот пробел призвано исследование О.А. Вальковой, охватившее период от начала XVIII в. до падения Российской империи. На страницах этого труда, опирающегося на огромную источниковую базу (архивные документы личного происхождения, научная периодика, литературные произведения, памятники искусства), перед читателем разворачивается процесс постепенной профессионализации исследовательской работы женщин в области точных и естественных наук. Показано, как из

разрозненного, индивидуального любительства в конечном итоге сложилось целое сообщество женщин-учёных, ставшее органичной частью научного мира поздней имперской России.

Первая часть книги посвящена дореформенному периоду. Отправная точка повествования — 1710-е гг., когда в Петербург по приглашению Петра I приехала дочь Сиби́ллы Мериан Доротея Мария Гзель — первая в истории страны женщина, принятая на службу в Академию наук. Доротея Мария преподавала живопись в Фигурной палате Академии наук, зарисовывала зоологические экспонаты Кунсткамеры и завершила третью часть книги своей матери, посвящённой происхождению и питанию гусениц (чему способствовало её путешествие вместе с Мериан в Суринам). Главы о второй половине XVIII — начале XIX в. носят новаторский характер. Если женщины-учёные второй половины XIX — начала XX в. ещё упоминаются в исследованиях (пусть разрозненно и эпизодически), то предшествующее время представляло собой почти абсолютную *terra incognita*. Да и личный вклад кн. Дашковой в науку (а не её административно-организаторская деятельность) до сих пор не был предметом специального рассмотрения. Валькова же обращает внимание на серьёзный интерес княгини к естественной истории и на соби́рание ею

коллекций минералов, окаменелостей и гербария.

Автор попыталась собрать воедино скурые сведения о любительницах наук того времени. В основном они принадлежали тогда к кругу русской аристократии, а некоторые были связаны родством с мужчинами-учёными. Например, супруга выдающегося физика кн. Д.А. Голицына Амалия Самуиловна, которая, будучи весьма образованной в математике, философии и других научных областях, собрала в своём доме кружок учёных, получивший европейскую известность. Надо заметить, что такая «генеалогическая традиция» (дочери или жёны учёных) сохранялась в гендерной истории науки.

Затрагивается и другой интересный вопрос — появление в России в начале XIX в. словосочетания «учёная женщина». Автором привлечён большой литературный и лингвистический материал, выяснена семантика этого понятия, определены его генезис и круг бытования. В одной из глав рассказывается о том, как формировались естественнонаучные знания образованной благородной барышни в России в первой половине XIX в. Среди наиболее известных случаев — поэтесса А.П. Бунина, которая обучалась, в частности, физике и математике, и мать Л.Н. Толстого М.Н. Волконская, чьи учебные тетради по агрономии, математической, физической и политической географии дошли до нас. Как отмечает автор, образование девушек (по крайней мере, в некоторых дворянских семьях) в плане наук не слишком отличалось от образования мальчиков. Здесь, как мне кажется, было бы интересно подробнее рассмотреть опыт Смольного института благородных девиц и подобных учреждений, где в курс обучения входили и научные дисциплины.

Следующие главы первой части книги подробно характеризуют такие явления, как создание женщинами естественнонаучных коллекций и посещение ими публичных научных мероприятий. Особо отмечены собрания учёных редкостей кн. А. Яблоновской («Натуральный кабинет» с коллекциями минералов, ископаемых, чучел животных, анатомических препаратов и др.) и кн. Дашковой («Кабинет редкостей натуральной истории» с коллекциями минералов и руд, «натуральных» и окаменелых животных, гербарием и др.), переданные позднее Московскому университету. Заметно, как европейские традиции кунсткамер входили в русскую культурную жизнь, в том числе и через польское посредничество. Валькова впервые осветила вклад в науку Е.П. Фадеевой, занимавшейся ботаникой, орнитологией, минералогией и другими естественнонаучными областями.

Отдельная глава посвящена книге кн. Е.И. Голицыной «Анализ силы», изданной в Петербурге на французском языке в 1835—1837 гг. Княгиня, лично общавшаяся со многими известными учёными, в том числе с математиком М.В. Остроградским, полагала, что открыла ни много ни мало новый способ математических вычислений. Она настойчиво добивалась отзыва о своём труде, но в Академии наук отвергли её сочинение как совершенно ненаучное. Действительно уже тогда было видно, что «барыня хватилась через край». Валькова считает книгу Голицыной «первой научной публикацией российской женщины». Однако это всё же явное преувеличение, так как не ясна ни её тематика, ни общий профессиональный уровень. Тем не менее сам факт появления такого сочинения свидетельствовал об активном проникновении научных знаний (и даже научных амбиций) в среду светских дам той эпохи.

В монографии собраны упоминания учёных-женщин и их трудов в российских общественно-литературных журналах первой половины XIX в. Автор приходит к обоснованному выводу, что даже эти краткие заметки и скупые похвалы сыграли немалую роль в приобщении к науке женской аудитории.

Во второй части рассматривается процесс профессионализации научной деятельности женщин в России 1850-х гг. Теоретические обоснования права женщины на труд, в том числе и научный, нашли отражение в политико-экономических теориях М.Н. Вернадской. Важнейшим вопросом было получение женщинами права на высшее образование и допуск к определённым профессиям во второй половине XIX в. Вальковой удалось выявить и охарактеризовать идейные, исторические, правовые основания качественно нового этапа в гендерной истории российской науки.

В третьей части даётся подробная характеристика роли женщин в работе Русского химического, Русского географического, Русского астрономического и ряда других обществ. Пожалуй, центральное место в этом разделе занимает биография О.А. Федченко (урождённой Армфельд), вошедшей в 1864 г. в число членов-основателей московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (до неё учредителями подобных объединений выступали исключительно мужчины). «Легитимация» женщин в составе научных организаций отражала продолжавшийся рост их исследовательской деятельности. В частности, выдающихся результатов добились химик Ю.В. Лермонтова, энтомолог О.Г. Полетаева и десятки других не менее значимых для истории науки дам.

Четвёртая часть книги посвящена процессам, происходившим в начале

XX в. Как показывает Валькова, в это время появилось много «любительниц наук», которые порой даже не имели соответствующего образования, но тем не менее принесли ощутимую пользу для накопления знаний. Вместе с тем немало женщин трудились уже и в рядах профессиональных учёных. В их числе астрономы Л.П. Цераская и Н.М. Субботина, палеонтолог М.В. Павлова, физик А.А. Глаголева-Аркадьева. Валькова анализирует, какие возможности имелись у них в высших учебных заведениях и в академических учреждениях империи, а также условия и достижения их независимой деятельности. Любопытна и глава, посвящённая частным женским научно-исследовательским инициативам. Среди её героев — гр. Е.П. Шереметева (внучка кн. П.А. Вяземского и супруга гр. С.Д. Шереметева), которая, заинтересовавшись естествознанием, организовала сбор ботанических коллекций в своих имениях. Автор показывает разнообразие форм исследовательской работы женщин. К началу XX в. в той или иной степени их «присутствие» ощущалось уже практически во всех дисциплинах. Тогда же они становились полноправной частью научного сообщества.

В пятой части монографии приводятся статистические сведения о российских естествоиспытательницах второй половины XIX — начала XX в. В этот период женщины всё активнее участвовали в работе научных обществ. Автор свела в таблицы данные о численности, происхождении и социальном статусе участниц Съездов русских естествоиспытателей и врачей (проводились в 1867—1913 гг.). Одна из таблиц посвящена и членству в естественнонаучных обществах и учреждениях представительниц династии Романовых. К сожалению, среди почётных членов Императорского Русского географического общества

не упомянута вел. кн. Александра Иосифовна. Ещё ждёт своего детального исследования многообразная организационно-научная деятельность принцессы Е.М. Ольденбургской (урождённой герцогини Лейхтенбергской). Больше внимание стоило бы обратить и на покровительство обществ садоводства со стороны российских императриц и великих княгинь. Среди приложений неплохо было бы увидеть свод-

ную информацию о членстве российских женщин в академиях, в том числе зарубежных. Так, кн. Дашкова являлась иностранным членом Филладельфийского научного общества. Но это скорее пожелания на будущее, не отменяющие безусловные достоинства рецензируемой монографии — фундаментального труда и важной вехи в гендерной истории отечественной науки.